

МИХАИЛ САВЕЛИЧЕВ

НА ДАЛЕКОЙ
ЗВЕЗДЕ
ВЕНЕРЕ

Часть сборника: Настоящая фантастика – 2017 (сборник)

Михаил Савеличев
На далекой звезде Венере

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Савеличев М. В.

На далекой звезде Венере / М. В. Савеличев — «Эксмо»,
2017

ISBN 978-5-699-97996-7

«Она висела в пустоте и темноте. Свернувшись, будто эмбрион в утробе матери. Может, так оно и было? Может, она – всего лишь зародыш? И предстоит пройти долгий путь превращений, пробежать миллиарды лет эволюции за каких-то девять месяцев, чтобы стать ревушим, сосущим, пачкающим младенцем?..»

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97996-7

© Савеличев М. В., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

1. Прибытие	5
2. Примарка	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Михаил Савеличев

На далекой звезде Венере...

*На Венере, ах, на Венере
Нету смерти терпкой и душной,
Если умирают на Венере —
Превращаются в пар воздушный.*

Н. Гумилев

1. Прибытие

Она висела в пустоте и темноте. Свернувшись, будто эмбрион в утробе матери. Может, так оно и было? Может, она – всего лишь зародыш? И предстоит пройти долгий путь превращений, пробежать миллиарды лет эволюции за каких-то девять месяцев, чтобы стать ревуцим, сосуцим, пачкающим младенцем?

Нет. Не так. Зародыши не умеют думать. Не могут осознавать себя. Они – заготовки личности, но не сами личности.

Я – это я. Я присутствую в этой пустоте и темноте. Осознаю себя. Осознаю свою телесность. Я даже знаю, как выгляжу. Там, где нет пустоты и темноты.

Я – женщина. Некрасивая. Взрослая. Умная.

Последнее – лишнее. К внешности не имеет отношения. Капля лести самой себе. К чему? Перед кем? Ведь вокруг – никого и ничего.

Хочется свернуться еще крепче. Но тело не дает. Тело обитателя Земли. Отнюдь не божественных пропорций.

Дышать? Но ведь я дышу. Хотя и чувствую в этом странность. Будто с каждым вздохом вбираю не воздух. Что-то иное. Более плотное.

Жидкость! Да, точно. Перенасыщенную кислородом жидкость. Такой дышат космисты.

Никуда без воды. Даже эмбрион в утробе матери плавает в воде. Океанической воде. В воде первоокеана. Мы начинаем из него свою жизнь. В нем мы выходим из нашей космической колыбели.

Так где же я?

И где я была до этого?

Нет, не смерть. Это точно не смерть. Стучит сердце. Работают легкие. Чувствую тело. Руки. Пальцы. Мои пальцы.

В пустоте возникает движение. Что будет, если открыть глаза?

Пустота имеет цвет. Багровый.

Есть верх. Есть низ. Мне надо вверх. Уверена в этом. Приходится расцепить пальцы, распрямить тело и сделать несколько движений, нарушив равновесие.

Я больше не парю. Я плыву. Вверх. Плыву и дышу. Дышу и плыву. Ужасно долго и скучно.

И выплываю. Вырываюсь на поверхность. И поначалу не понимаю. И начинаю задыхаться. Откашливаюсь.

Внешняя гидравлика оказалась отключена, поэтому, когда перепонка люка лопнула, Ариадна получила болезненный толчок в спину. Внутреннее давление почти выкинуло ее из шлюпа, и если бы кто-то не подхватил поперек тела, лежать бы ей на поелах, как выкинутой на берег беспомощной рыбки.

С головы сдернули дыхательную маску и почти сунули в водоприемник, который на сленге космистов величался «блеводницей». Что, собственно, соответствовало истине. А как иначе назвать мучительный и физиологически неприятный процесс избавления легких, а заодно и желудка от перенасыщенной жидкости, которой дышали все космисты?

– Спа-си-бо... – ухитрилась проговорить Ариадна между приступами рвоты. Она не видела своего добровольного помощника, так как головой продолжала торчать в выдавшей виды «блеводнице», которую вряд ли кто чистил или дезинфицировал в последнее время. Когда-то блестящий раструб покрывали ржавые потеки, а из сливного отверстия воняло так, что выворачивало наизнанку.

– С вами все в порядке? – Голос снаружи приобретал в раструбе гулкость.

– Да... да, спасибо. – Она сплюнула последние остатки красноватой дыхательной жидкости и выпрямилась.

Меньше всего Ариадна ожидала обнаружить себя в центре внимания сотен человек.

– Кто это? – невольно вырвалось у нее.

– Пожалуйста, прошу вас... – Тихий, жалкий голос, осторожные касания. – Шлюп... Нам нужен шлюп...

– Они – дезертиры, – с презрением сказал огромный черный человек.

И тот, кто хватал Ариадну за локоть, не дожидаясь, пока она освободится от управляющих нитей шлюпа и стащит с головы командный шлем, съежился, отступил на шаг. Однако продолжал протягивать в горестной мольбе руки, неприятно напоминая нищего с картин Брейгеля.

Ариадна наконец-то содрала шлем, пучки нитей истончились, пожелтели, принялись надрывать. Разрыв связи со шлюпом порождал в теле зуд.

– Вы не в праве их обвинять, – Ариадна протянула шлем и вложила его в молящие руки. – Посадите в шлюп женщин и детей...

– Да-да, конечно, – забормотал страждущий. – Женщин и детей...

Огромный черный человек с отвращением смотрел, как тот побрел по залу, где прямо на полу сидели люди. Подчиняясь его безмолвным знакам, поднимались женщины, подзывая как можно тише детей. Словно никто не решался нарушать безмолвие Лапуты, разбавляемое лишь гулом работающих атмосферных двигателей.

– Народный комиссар проекта ТФВ Телониус. – Черный человек повернулся к Ариадне. – Но вы это знаете.

– Народный контролер проекта ТФВ Ариадна, – в тон ответила она. У нее чесался язык добавить, что и Телониус это знает – кто еще мог прибыть на шлюпе с орбитальной базы вне расписания, да еще так просто распорядиться кораблем. – Сколько здесь людей?

Телониус дернул могучими плечами, скривился. Ариадне на мгновение показалось, что он сейчас выругается, но нарком сдержался, процедил:

– Здесь нет людей. Только «возвращенцы». И какая разница – сколько? Все они – лишние.

– Когда «возвращенцев» направляли сюда на работу, вы не считали их ни лишними, ни обузой, – заметила Ариадна в широченную спину Телониуса, двигаясь вслед к выходу из зала.

– Они шли добровольно, так как знали – десяткам миллиардов воскрешенных понадобится новая Земля.

Идти пришлось медленно, переступая через пожитки, вытянутые ноги, а то и через скрюченные неудобным сном фигуры людей. Некоторые из ожидавших облачены в скафандры, чьи колпаки свешивались на спину сморщенными масками, похожими на театральные личины смеха и печали – у кого как. При этом системы индивидуальной вентиляции

работали на полную мощность, разгоняя духоту не только под оболочкой, но и вблизи, облегчая участь ожидающих.

– Послушайте, Телониус, а нельзя задействовать дополнительные кондиционеры? Дайте взрослым и детям продышаться.

– Правильно, товарищ! Мы будем жаловаться! Всем нужен свежий воздух! Сколько можно терпеть! – немедленно раздался голоса в поддержку Ариадны. Несмотря на показное равнодушие, она находилась в центре внимания.

– Не говорите чепухи! – перекрыл чей-то рык жалобные голоса, и Ариадна было подумала, что это Телониус, но наткнулась на бешеный взгляд стоящего у самого выхода человека в форме администрации проекта. Шевроны оказались неряшливо спороты, поэтому точно определить его бывшее звание оказалось невозможно. – Энергии хватает лишь на минимальную жизнедеятельность Лапуты! Если уж драпаем, то не будем создавать проблем остающимся!

– Мы в аду! – Истошный крик перекрыл разноголосицу, и словно волна прокатилась по «возвращенцам». Они вскидывали опущенные головы, привставали, пытались разглядеть – кто кричал.

Ариадна тоже не сразу заметила ее – тонкая тень, возникшая над сидящими.

– Вы не понимаете?! Мы – умерли! Нет никакого воскрешения! Нет Федоровского процесса! Мы в царстве мертвых! Отсюда нет возврата... нет...

Женщину потянули вниз, но она кричала и отбивалась, и Ариадна увидела, что у нее нет кистей, их заменяли примитивные механические протезы. К бьющейся в истерике женщине подбежал человек в комбинезоне медицинской службы, на ходу стягивая рюкзак с большим красным крестом.

– Кто она? – спросила Ариадна.

– Нерис, – сказал Телониус. – Соломея Нерис.

– Та самая? – не поверила своим ушам Ариадна и еще раз посмотрела туда, где уже толпились люди, скрывая женщину с протезами. – Художница?

– Бывшая, – мрачно уточнил Телониус. – Вы ведь знаете, у «возвращенцев»...

– Да, – прервала его Ариадна. – Знаю.

И поежилась. Ей почудилось, будто она догадалась, почему у Соломеи оказались столь грубые протезы.

– Сколько всего воскрешенных среди участников проекта? – спросила Ариадна Телониуса.

– Все, – резко ответил он. Помолчал и добавил: – Венера должна стать для них новым домом, землей обетованной, раем. Но теперь они убедили себя, что попали в ад, и готовы на все, чтобы сбежать на Землю и задыхаться там, в тесноте. Им плевать на остальных. На своих родителей, предков им тоже плевать. Главное, что возвратились они! Впрочем... «Возвращенцы» они и есть «возвращенцы».

– Вы так говорите, будто вы против Федоровского процесса...

– Да, – резко рубанул Телониус. – Мы ни черта не понимаем в том, что происходит. Почему возвращаются те, кто умер. Мы лишь придумываем удобные гипотезы.

– Человечество достигло такого уровня психо-технологического развития, которое инициировало Федоровский процесс... – начала было Ариадна, но Телониус раздраженно махнул рукой.

– Оставьте эти сказки для легковверных! И «возвращенцев». Что, впрочем, одно и то же...

Когда Ариадна вслед за Телониусом сошла с подъемника, ей на мгновение показалось, будто она неведомым чудом перенеслась на старую Землю, знакомую ей по картинкам, Землю до экологических катаклизмов. Перед ней холмистая равнина, густо поросшая

травой, кустарниками и деревьями, между которыми нитями вились тропинки. В буйстве зелени притаились жилища, по внешнему виду неотличимые от земных. Иллюзия настолько полная, что Ариадна невольно ухватилась за перила, покачнувшись от острой ностальгии. Только в такие секунды понимаешь – как же долго ты отлучена от Земли.

Но иллюзия исчезает. Взгляд невольно отыскивает то, что ее порождает и выдает. Зеленый остров отделен желтоватым куполом от бешеной атмосферы Венеры. Кислородно-азотная смесь, которой надута оболочка воздушного острова, обеспечивала ему великолепную плавучесть в тяжелой углекислой атмосфере планеты. За пределами оболочки виднелся кольцевой пандус со вздутиями и отверстиями многочисленных ангаров. Оттуда выскальзывали причудливые тени венерианских самолетов. Машины взмывали над платформой и отвесно ныряли с такой скоростью, будто ничто не держало их в атмосфере и через минуты падения им предстояло разбиться о пока еще мертвую поверхность планеты.

Все обслуживающие механизмы, двигатели, лаборатории, фабрики, стыковочные узлы, стартовые площадки орбитальных кораблей упрятаны под поверхностью, и не хотелось возвращаться в царство пытящих кондиционеров, тяжкого гула двигателей Лапуты, вздохов пневмоэкспрессов, бульканья в водопроводных трубах и прочего техногенного шума, почти ничем не отличимого от такой же какофонии в орбитальных поселениях. Ариадна предполагала, что там же, среди механизмов, располагались каюты персонала, ибо никаких домов на поверхности не хватит вместить тысячи и тысячи душ, обитающих в атмосферном городе.

Телониус шагнул на дорожку. Ариадна еле поспевала за ним. Через минуту они вышли к двухэтажному дому, Телониус пнул перепонку двери и взмахом руки предложил Ариадне войти.

– Будете находиться здесь, – сказал он. Именно так – «находиться», отчего у Ариадны возникла ассоциация с арестом, заключением под стражу и вообще – принудительной изоляцией. Она собиралась отпустить по этому поводу ядовитую шпильку, но, посмотрев на набычившегося Телониуса, который, скорее всего, ожидал от нее чего-то подобного, сдержалась. Она не любила оправдывать чьих-либо ожиданий, кроме тех, которые от нее ждут по должности. Кивнула и переступила порог.

– Мое пристанище, – сказал Телониус. – Вы никого не стесните, а сам я здесь не бываю.

– Где же вы спите? – Ариадна не удержалась.

– Где застанет сон. – И ей представилось, как сон застаёт Телониуса посреди какого-нибудь коридора в недрах острова, он немедленно ложится на поелы и засыпает. Обязательно богатырским сном, с храпом, заглушающим шум машинерии.

Телониус вдруг повернулся к Ариадне и сказал:

– Я читал вашу книгу.

– Какую именно?

– Ту, где вы укрылись под псевдонимом Доктор Панглос. «Этот лучший из миров», так она называлась?

– Ее и написал Доктор Панглос.

– Скорее поверю, что это сделал восставший из могилы Вольтер, – оскалился Телониус, раздул ноздри, набычился, и Ариадне на мгновение показалось, что народный комиссар наклонится и боднет ее огромной головой.

– Ваше право. Федоровский процесс делает подобное предположение вполне вероятным...

– Прекратите! Кто бы ни написал этот пасквиль, вы разделяете его положения?

– О недопустимости переделывать мироздание под наши сиюминутные нужды? Да, разделяю, – спокойно сказала Ариадна.

Телониус глубоко вздохнул, выпрямился.

– Единственный проект, который можно определить как «переделку мироздания», – мой проект, – Телониус сделал ударение на слове «мой». – Именно его вы и решили сделать объектом пристального внимания?

Ссориться в первые же часы с Телониусом не входило в ее планы, но что она могла ожидать? Иной реакции и быть не могло,

– Телониус, – как можно мягче постаралась сказать Ариадна, – вы прекрасно осведомлены – источник наших полномочий как народных комиссаров – свободное волеизъявление людей...

– Увольте меня от лекций по современному анархизму!

– Уволю, не беспокойтесь. Идеи Доктора Панглоса близки не только мне, но и многим людям. Изгадив собственную планету попытками переделать ее под своекорыстные нужды, мы теперь выносим данные модус вивенди и модус операнди в космос. Вы можете объяснить – зачем человечеству еще одна землеподобная планета?

– А разве вы только что не говорили с таким энтузиазмом о Федоровском процессе, об оживлении всех, когда-либо живших на Земле? Разве не для этого и нужна терраформированная Венера? Стать для «возвращенцев» Землей Обетованной?

– Чепуха! Места для всех вполне хватит и на Земле. Разреши мы воскрешенным сразу же оставаться на ней, без всякого карантина и обязательной отработки в космосе, мы бы давно вернули планете утраченный облик – очистили моря и сушу, восстановили атмосферу.

Телониус помолчал, потом сказал:

– Впрочем, вы полезны. Вы вдохновляете меня. Злите. Это заставляет продолжать сражаться с тем, что нельзя победить.

2. Примарка

Волны. Море. Океан.

Багровый. Вязкий.

Как кровь.

Мир двухцветен. Верх – черный. Низ – красный. Чтобы оставаться на границе между цветами, приходится изо всех сил грести. Похоже на воду. Но только похоже. Волны. То возносятся, то опускаются. Когда Ариадна оказывается на очередном гребне, она пытается высмотреть берег. И ей кажется, она видит темную полоску. Туда и надо плыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.